

Удивительно цельной личностью был этот большой художник. И, возможно, кто-то даже вправе усомниться: а разве художник, мастер, творец во всей нерасторжимой совокупности этих понятий, может представляться нам иным? Несобранным, непоследовательным, лишенным мировоззрения, устоявших взглядов на жизнь, творческих интересов и пристрастий? Нет, наверное, не может, не должен... По крайней мере, очень бы не хотелось, чтобы нашими мыслями завладели те, кто таковыми являются. Впрочем, предваряя разговор о Викторе Розове, чье столетие со дня рождения пришлось на 21 августа текущего года, скажем прямо – он действительно был во всех отношениях гармоничным, целеустремленным, глубоким, высоконравственным, скромным человеком, гражданином, патриотом, гуманистом, стремившимся творить добро и распространять его повсеместно.

И добро Виктор Сергеевич, воспринимая его тонко, остро, но не наигранно и далеко не абстрактно, преподносил, разумеется, прежде всего в своих неустаревающих, продолжающих и сегодня волновать пьесах, давно ставших классикой отечественной драматургии. Но добро в его творениях не сводилось к этакому простенькому сентиментальному подходу, заключенному в незамысловатые сюжеты, испокон веков вращающиеся вокруг всем известной двухполярной оси между добром и злом. Потому-то, не отвергая сентиментальность как таковую, бывшую в его понимании проявлением сострадания и склонностью «проливать

слезы над несчастьем другого», драматург считал необходимым правдиво показывать современность, а уж в ней находилось место буквально всему: острым конфликтам и столкновениям, противопоставлениям характеров, борьбе за нравственную и идейную чистоту человека. Ну а в том, что за человека, его духовный, очень непростой, противоречивый мир стоит побороться, он никогда ни на йоту не сомневался, так как прекрасно понимал не только ранимое человеческое существо, но и досконально знал наличествующие в обществе закономерности человеческого общежития. Не идеальные конечно, однако не такие уж и плохие, чтобы напрочь их отвергать, не замечая в них ничего хорошего, духоподъемного и оптимистичного. В общем, всего того, без чего жизнь на земле Виктор Сергеевич себе представить просто-напросто не мог, да и, по всей видимости, не желал.

Изображать же современность, по определению Розова, возможно было лишь при наличии двух основополагающих начал. На первый план им выдвигалась правда, всеобъемлющая, основывавшаяся на той большой и малой жизненной правде, с которой отдельно взятый человек и общество в целом сталкиваются повседневно. С той, которую мы выстраиваем сами, и той, которая существует помимо нашей воли. Но, в чем твердо был убежден Виктор Сергеевич, правда жизни к драматургу не приходит самостоятельно, ее ему следует научиться подмечать, распознавать, анализировать. «Автор должен жить полной жизнью и бесстрашно. И много знать», – писал Розов в своей автобиографической книге «Путешествие в разные стороны».

Не сомневался Виктор Сергеевич в том, что без дополнительных знаний и постижения сути жизненных явлений писателю, а уж тем более драматургу, ставящему перед собой задачу представить написанную им историю на театральной сцене, никак не обойтись. «Подмечать черты людей, с которыми сводит судьба, видеть жизнь наиболее полно собственными глазами, ездить по стране, по всему свету, чтобы понять, как устроилось человечество на земле в дни твоей жизни и что ты можешь ему предложить для облегчения его существования. <...> Думаю, что наши современные драматурги тогда удивляют нас правдой жизни и открытиями, когда все, о чем писали, было перед их очами».

Но не все увиденное, изученное и обдуманное, тем не менее, как полагал драматург, следовало описывать. Оттого и говорим мы о второй характерной особенности творческого дарования Розова, заключавшейся в гражданственности его произведений. И опять же, если смотреть на этот аспект более широко, то, конечно, следует говорить о идейности всего им написанного. Да, именно об идейности и той социальной направленности, которая ей неизменно сопутствовала. А уж в том, что Розов был человеком по-настоящему идейным, глубоко убежденным в правоте идей социальной справедливости, по словам публициста Арсения Замостьянова, в 90-е годы «как назло, из идеалистов не дезертировавшим», сомневаться не приходится. Вспомним в этой связи его принципиальные суждения, высказывавшиеся в диалогах с Виктором Кожемяко и публиковавшиеся в «Правде», а затем и собранные в отдельной книге Виктора Стефановича «Свидетель века».

Розова всегда интересовали морально-этические вопросы. Собственно, без них рассматривать человека в конкретных ситуациях, порождавших затем и общественные явления, он не считал для себя возможным. Но и сам показ таковых, без выражения позиции автора, драматург также не приветствовал. «Первоначальным толчком для пьесы

считаю возникшую во мне мысль по поводу какого-либо явления жизни, – говорил Виктор Сергеевич. – Чаще всего эта мысль первоначально меня тревожит просто как гражданина. Что-то мне в жизни нравится, что-то не нравится, и я начинаю думать, как бы сделать так, чтобы то, что мне нравится, укреплялось и развивалось, а то, что не нравится, исчезло из жизни навсегда».

Прав в этом отношении и крупнейший театральный режиссер, педагог, художественный руководитель Российского академического молодежного театра (бывший Центральный ордена Ленина детский театр, на сцене которого в разные годы были поставлены многие замечательные пьесы драматурга), народный артист РСФСР Алексей Бородин, верно подметивший: «Он писал, конечно, про людей. И не писал однолинейно: правда-неправда, честность-нечестность, открытость-неоткрытость – как это делить на черное-белое? Он писал многогранно, его характеры были интересны, но он знал, на чьей он стороне. И понимал, что что-то в его пьесе может не понравиться или вызвать определенную реакцию. Но не уступал. Внешне будто бы мягкий, на самом деле он был очень жестким в плане нравственных понятий. Без вызова, без пафоса, но очень определенным. И, кажется, очень совестливым. Он жил, в каком-то смысле держа ответ перед собой. Не перед кем-то, оглядываясь, кто что скажет, а прежде всего перед своей совестью. И он сохранил себя до самого конца. В том числе эту абсолютность и уверенность в том, что он должен жить и действовать только так, как чувствует, и нравится это или не нравится кому-то – совершенно не важно».

Задачу постижения сущностных основ личности и раскрытия ее моральных устоев, нравственных ориентиров, гражданских взглядов на примерах конкретных жизненных обстоятельств, выполнять Розову, бесспорно, было не так-то и легко. Да и каких-то умозрительных, притянутых за уши, неправдоподобных и поверхностных заключений он как художник-реалист не признавал. К чему они, если сюжет той или иной пьесы не реалистичен и несовременен? А без постижения современности, считал драматург, ему и вовсе обойтись было никак нельзя.

«Часто в пьесах действуют современные персонажи, – писал Розов в 1959 году в статье “Часы раздумий”, – люди буквально сегодняшнего дня, и автор, чтобы мы не спутали, услужливо делает пояснение на первой странице: “Действие происходит в наши дни”; но отчего же, когда читаешь или смотришь эти пьесы, то все время ощущаешь запах нафталина?»

Это происходит оттого, что не подслушан, не уловлен ритм современности. Мне кажется, что именно ритма, пульса современности нет во многих наших пьесах. Именно он делает пьесу до конца современной, именно он и диктует нам настойчивые поиски новой формы. Его надо ловить всюду: на улице, в трамвае, на работе, дома – везде. Не поймавшему его рано писать пьесы на современную тему. Такие пьесы чаще всего будут трактатами по таким-то или таким вопросам».

Сказано, без сомнения, точно, но, позвольте, почему мы и сегодня пьесы Розова, написанные достаточно давно, но с успехом идущие в наше время на крупных отечественных театральных сценах, числим практически современными и лучшие его творения, как «Вечно живые», «В поисках радости», «В дороге», «С вечера до полудня», «Гнездо глухаря», до сих пор не потеряли своей актуальности и злободневности, терзающих нашу постоянно пульсирующую мысль?

Скорее всего, творчество Розова, создававшееся в определенное время и при совершенно ином общественно-политическом строе, следует

считать в должной степени созвучным дню сегодняшнему, в первую очередь в его глубинной, опорной и основополагающей проблематике. Ну, скажите, неужели нам безразличны и не интересны душевные метания молодого интеллектуала Володи из пьесы «В дороге»? Того самого, который любил «все хорошее» и не любил сантименты и для которого «все авторитеты относительны» и «жизнь должна быть чистой»? А разве мы с вами воочию не представим картину из пьесы «Традиционный сбор», в которой нам встречается целая галерея выразительных человеческих характеров? И в которой мы наблюдаем некий срез многих сложившихся судеб, когда-то собранных в одном классе и прошедших через испытания и соблазны, вынуждавшие идти на компромиссы с совестью? Что и говорить, такие жизненные явления, талантливо, выразительно, вдумчиво и обстоятельно отраженные Розовым, совсем не устарели, не канули в Лету, не стали для нас непонятными и бессмысленными. Недаром же, следуя заветам драматурга, мы, вновь и вновь просматривая его замечательные спектакли, пытаемся взглянуть на жизнь, «так сказать, в ее рафинированном виде». Взглянуть, вникнуть, задуматься, соглашаясь с Виктором Сергеевичем, говорившим, что у человека «одна жизнь, и ничего больше», и постараться понять ее непреходящие смыслы, зачастую нами трактуемые слишком поверхностно, отвлеченно и просто. Так до обидного просто, как, согласно мировосприятию Розова, быть не должно, ведь человек – существо разумное, наделенное талантами и способное принимать серьезные и судьбоносные решения. Те самые, от которых напрямую зависит вся его земная жизнь... Жизнь, которую выдающийся драматург и патриот России призывал проживать осознанно, полнокровно, в любви и согласии, в труде и мире, с высоко поднятой головой, честно, достойно, по-людски.

Отличало Розова и то, что он являлся художником всецело русским, советским, и этой принадлежностью к земле предков и великой культуре нашего народа чрезвычайно гордился. Посему и произведения им писались прежде всего для своего, отечественного зрителя. Хотя нельзя не сказать и о том, что многие его пьесы успешно шли на театральных сценах зарубежных стран, и не только из социалистического лагеря. Розова также ставили в Великобритании, ФРГ, Италии, Швеции, Японии. И все же вдохновение он, побывав во многих странах мира, черпал дома, в горячо любимой им России. «Я бы никогда не написал пьесу “Вечно живые”, а потом и сценарий “Летят журавли”, если бы сам не побывал на фронте и в госпитале, не видел тех людей, – напишет драматург в своей книге воспоминаний “Путешествие в разные стороны”. – Просто у меня смелости не хватило бы. Конечно, материал надо не только знать, но и прочувствовать. Сколько я ни езжу по разным странам мира, но и в мыслях у меня нет написать пьесу из чужеземной жизни. Я много видел, много знаю, но не чувствую, что называется, всем сердцем той, чужой жизни. В нашей – многое чувствую, но не все понимаю, отчего тоже о каких-то явлениях не могу писать».

«Чужая», заграничная жизнь Розова не прельщала. Своя же, советская, а позже российская, и вправду не во всем им улавливалась, понималась и, соответственно, не всегда и приветствовалась. Потому и не писал Розов на темы ему мало знакомые и его не волновавшие. Да и не стремился он быть таким всезнающим толкователем жизни во всех ее проявлениях. Незнакомые ему сферы он в одночасье наскоком не осваивал. Всеядность в творчестве Розову претила. Художник по сути национальный, но интернационалист по духу и убеждениям, он работал

над раскрытием тем внешненациональных и даже вневременных, но однозначно зарождавшихся на русской земле и в тех хорошо знакомых ему условиях, постижению которых драматург и посвятил более чем полувековой период своей непростой, но яркой и богатой на впечатления жизни.

Будучи уже тяжелобольным, но искренне сопереживая за будущее России, за ее культуру, духовность, за русскую речь и судьбы новых поколений, Виктор Сергеевич в больничной палате надиктовал и такие слова, ставшие его духовным завещанием: «...Нужно всем вместе выстоять в это трудное время и продолжить бороться за русскую речь, за чувство долга, за доброту и очистить от скверны сцену и особенно телевидение...

С этим “чудовищем” всем нам необходимо бороться. Необходимо создать на телевидении новые программы, а точнее сказать, вернуть забытое старое, необходимо возродить встречи с корифеями сцены, возродить “Литдраму”, “Театр у микрофона”, больше для детей нужно показывать сказок, ведь в сказках и борьба со злом, и правда жизни, и героизм, и любовь к Отчизне, и к матери, и к брату, и к природе, и... даже к маленькому зверьку... Создавайте атмосферу дружбы и любви друг к другу, почаще собирайтесь вместе с молодежью, вливайте в их умы только хорошее, доброе, умное».

Такое трепетное отношение к родной стране было для Розова предельно естественным и органичным. Слова же из приведенного духовного завещания лишь ярче высвечивают сущность этого большого художника и патриота, необычайно честного по отношению к своему государству и его народу. И, что характерно, таким честным и принципиальным человеком, гражданином, творцом драматург был всегда, с молодых лет, пронеся в себе беспредельную веру в Отечество, справедливое государство, его институты, культуру и искусство, литературу и театр. При сем очевидно и то, что эта неизбывная вера Розову по жизни помогала, ведь и ему, даже в то время когда он стал признанным и авторитетным драматургом, удостоенным Государственной премии СССР и других высоких государственных наград, приходилось сталкиваться с определенными трудностями, косностью мышления оппонентов, их откровенным примитивизмом, цинизмом и высокомерием. С горечью наблюдал он и за теми, кто заразился зазнайством, беспардонностью, чванством и другими пороками, накрепко завладевшими этими слабыми и безвольными людьми, рабами собственной мещанской глупости, жадности, корыстолюбия. Разумеется, с подобной людской скверной Розов всеми силами боролся и в своих сочинениях, отличавшихся остротой и бескомпромиссными исчерпывающими оценками.

Каждому крупному художнику, известное дело, присущ свой творческий почерк. Был он и у Розова, мастера, сознательно избегавшего эпических полотен и пафосных реляций. И, наверное, не потому, что он не смог бы написать, к примеру, героическую драму. А, напротив, оттого, что, имея за плечами богатый жизненный опыт, пройдя через горнило войны, Розов тяготел к другим сложным коллизиям, ставившим во главу угла человека, и совсем не обязательно героического, а вполне обыденного, со своими достоинствами и недостатками, радостями и огорчениями, возможностями и стремлениями. Человека, взглянуть на которого было также необходимо, тем паче что советская действительность давала драматургу богатый материал для размышлений, художественных обобщений и соответствующих выводов, в верности которых он не старался кого-либо настойчиво переубеждать. Пускай,

полагал Розов, каждый в зарождавшихся оценках разберется сам. Так оно и практичнее, и надежнее, и результативнее. Потому, вне всякого сомнения, массовый зритель практически безоговорочно и принял его пьесы «В добрый час!», «Вечно живые», «Неравный бой», «В поисках радости», «Страница жизни», «В дороге», «В день свадьбы», «С вечера до полудня», «Традиционный сбор», «Затейник», «Ситуация», «Гнездо глухаря», что не заметил в них фальши, пустой болтовни, надуманных конфликтов, призрачных иллюзий, мелких страстей, сентиментальной обывательщины и поверхностных заключений, которых, к слову, Розов в своем творчестве не допускал.

О выдающемся даре познания человеческих характеров, присутствовавшем в Розове на протяжении всей долгой его творческой жизни, емко и справедливо высказался и народный артист СССР Олег Ефремов: «Пожалуй, нет в нашей драматургии писателя более традиционного, спокойного, уравновешенного, если хотите, воинствующе немодного. И действительно, он всю жизнь проходил в одном пиджаке, всю жизнь говорил одни и те же слова. А между тем совершенно ясно, что мы имеем дело не только с известным драматургом, но и с таким писателем, который всегда был впереди. Вот это внутреннее новаторство Розова при абсолютной внешней “консервативности”, пожалуй, главная черта его писательского облика.

В самом деле, разве не с розовских пьес, в частности, началось обновление нашего театра в середине 50-х годов? И разве не розовские герои с наибольшей полнотой и глубиной выразили последующие изменения в нашей жизни и в характере современного человека? Уяснив все это, нетрудно понять, почему “Современник” начался с Розова. <...>

Розов обладает самым важным писательским даром: он сначала видит человека, а потом проблему, он любую проблему решает только через человеческий характер.

Говорят иногда, что Розов сентиментален. Говорят еще, что он моралист. Это правда. Только эти его свойства проистекают не из равнодушия, а из страсти, из желания, чтобы театр был не пустячным делом, чтобы он заставлял людей думать, плакать, смеяться.

Виктор Сергеевич остается тем же порядочным человеком, каким был всегда, каким был в годы войны, когда пошел на фронт добровольцем и получил ранение. Он остается порядочным человеком – поэтому он остается писателем, которому можно верить.

“Если ты честный человек, ты должен”, – так говорил доктор Бороздин из “Вечно живых”. Это – формула розовской жизни в искусстве, обращенная ко всем нам».

Да, Розов являлся именно тем писателем, «которому можно верить». И, добавим, нужно верить. Всенепременно нужно верить, верить сейчас, в наше непростое время, и уже хотя бы с той целью, чтобы посмотреть на жизнь, на людей, на человеческие взаимоотношения и конфликты с несколько иного ракурса. А уж тогда, когда вашему взору откроются розовские светлые образы и его художнические открытия, помноженные, естественно, на идейные оценки и напутствия, которых он твердо и последовательно придерживался, – вы сможете, пожалуй, приоткрыть дверь не только в большую и гуманную, воистину жизнеутверждающую советскую драматургию, но и в огромный внутренний мир самого Розова. Мир, вроде бы досконально изученный, не единожды подвергавшийся серьезным исследованиям, описывавшийся профессиональными критиками, литераторами, режиссерами, артистами, да и просто равнодушными

гражданами. Большой розовский мир, о котором, кажется, известно практически все. Но, и, без сомнения, мир, так нами глубоко и не постигнутый, таящий в себе немало загадок, требующих своего разрешения. Ведь, согласитесь, более чем девяностолетнюю жизнь прожил не только добропорядочный, высококультурный, скромный Розов-человек и выдающийся художник-гуманист, но и Розов-гражданин и патриот, защитник и подвижник русской советской цивилизации и ее государственности, советского образа жизни и тех подлинных культурных ценностей, над формированием которых и он здорово потрудились. И посему хочется верить, что розовский юбилей выполнит одну из главных своих миссий, заключающуюся в привлечении к имени писателя, к его неустаревающему творчеству новых пылких читателей и зрителей, которые, убежден, навсегда присоединятся к тем, кто Розова знает давно, кто воспитывался и вырос на его произведениях, раз и навсегда повлиявших на этих людей, остающихся драматургу и до сих пор благодарными.

И все же возможно ли постичь мир Розова во всех его измерениях? Нет, невозможно. Ну как, разрешите спросить, можно, допустим, понять писателя, долгие годы руководившего семинаром в Литинституте имени А.М. Горького, а с 1973 года бывшего к тому же и профессором этого главного писательского учебного заведения, передававшего молодым основы драматургического мастерства, но уверовавшего в то, что научиться писательской профессии нельзя? Нельзя – так как писателем, в чем Виктор Сергеевич несколько не сомневался, следует родиться. «...писателем рождаются, – считал Розов. – И никакие силы не могут сделать человека таковым, если он не наделен писательским даром. И слово-то какое подходящее: дар. Человек не сделал даже минимальных усилий, он получил этот дар при рождении. И если говорить о писательской учебе, то подобное понятие в определенной степени условно. Научить писать пьесы, стихи или прозу нельзя. Сколько бы человек ни тратил усилий на эту учебу, как бы расприлежно ни занимался, какое огромное количество книг ни прочел бы, как бы внимательно ни изучал жизнь во всех ее ипостасях, усилия его не увенчаются успехом. Он может даже “научиться” писать пьесы. В конце концов, чтобы сочинить пьесу, достаточно грамотности и некоторых усилий, но его творения будут сочиненными, а не рожденными. Художественные произведения рождаются, а не придумываются, и акт их рождения подобен таинственному акту рождения живого существа. Умом не рожают».

Писательский дар – явление, конечно, удивительное, однако совсем-таки не бесспорное и не однозначное. И вряд ли при этом стоит сомневаться, что Розов был им сполна наделен, и причем с самых ранних своих лет. Уроженец Ярославля, воспитывавшийся в интеллигентной семье, он уже в шестнадцать лет в Костроме вступает в театр рабочей молодежи – ТРАМ, а в 1934 году поступает в училище при Театре Революции в Москве. И, возможно, профессиональная сцена тогда потеряла яркого и талантливого актера, но литература, драматургия, театр, вне всякого сомнения, приобрели писателя, в буквальном смысле перевернувшего, обогатившего, расширившего советскую драматургию, придавшего ей новое многоголосое звучание, хорошо, к счастью, слышное нам и сегодня.

Звучание розовских творений безумолчно и неостановимо. Мелодика духоподъемных историй и нравственных уроков Розова с годами, словно выдержанное вино, лишь наполняется палитрой новых звуков и красок. Не напрасно же он подчеркивал, что перед автором всегда при-

существует «чистый ровный белый лист бумаги, на нем не спрячешься, на нем пишется только самое искреннее. Малейшая фальшь, ничтожнейшая ошибка обнаруживаются сразу же, явно. Фальшив писатель – и эта фальшь так и бьет с листа. Откровенен – и это с первой строки».

Откровенность, открытость, искренность Розова не подлежали сомнению. И таковым он воспринимался выдающимися мастерами театра и кино, среди которых следует выделить Марию Кнебель, Наталью Сац, Анатолия Эфроса, Константина Шах-Азизова, Михаила Калатозова, Олега Ефремова, Олега Табакова, Татьяну Самойлову. Открытым, но не навязчивым он виделся и читателями, зрителями его спектаклей, кинофильмов. И даже всем своим внешним видом Виктор Сергеевич излучал эту поразительную открытость, подкрепленную некой чинностью, сдержанностью, тактом, высокой культурой, но если позволяли обстоятельства, то и добрым юмором, способностью иронизировать.

Розову посчастливилось прожить продолжительную, интересную, яркую и светлую жизнь. Но была ли она, что называется, безоблачной, дарившей лишь положительные эмоции, признание, достаток и возможность жить содержательно, творчески, без каких-либо потрясений? Ответ на данный вопрос, полагаю, очевиден. Но, как бы там ни было, Виктор Сергеевич никогда не показывался ни в образе этакого самодостаточного и успешного писателя, претендующего на всеобщее внимание к своей персоне и способного выступать в качестве вершителя людских судеб; ни в облике всем недовольного, сетующего на превратности судьбы творца, чей голос в обществе неслышен. Крайностей подобных Розов избегал, да и элементарная скромность, а также чувство меры не позволяли ему как-либо себя выпячивать. Прямо скажем, работать на публику ему было ни к чему. Оттого и видится он нами личностью самодостаточной, сильной, волевой, презиравшей мелочность, равнодушие, чванство, самолюбование и ложь.

О Викторе Розове можно очень многое рассказать. Благо он сам оставил о себе содержательную и трогательную книгу воспоминаний «Путешествие в разные стороны», не единожды со времени первой публикации вновь издававшуюся. Немало о нем написали критики и профессиональные литераторы, мэтры отечественного театра и кино. Но смогли ли все они в должной мере раскрыть существо этого столпа советской драматургии, радателя земли русской и ее восхитительной, самой высокодуховной и высоконравственной культуры? Тем более что у каждого из них был свой неповторимый Розов? Такой, какой он им был знаком лично и по его произведениям. Такой, каким они его понимали и каким хотели о нем рассказать. Посему то, что поведать нам они не успели, давайте постараемся восполнить сами... Для этого по большому счету у нас с вами имеется немало возможностей – розовские творения современным театром востребованы. А значит, взвездная жизнь Виктора Розова, в юные годы грезившего выиграть в лотерее Осоавиахима кругосветное путешествие, которое он тогда не променял бы ни на какие деньги, – продолжается. И путешествует он вместе со своими всегда актуальными и неустаревающими произведениями, словно наконец-таки выиграв вневременной, постоянно действующий лотерейный билет, уже далеко-далеко, где-то там... вне планетного пространства, во времени, которое над ним, к нашей радости, не властно...